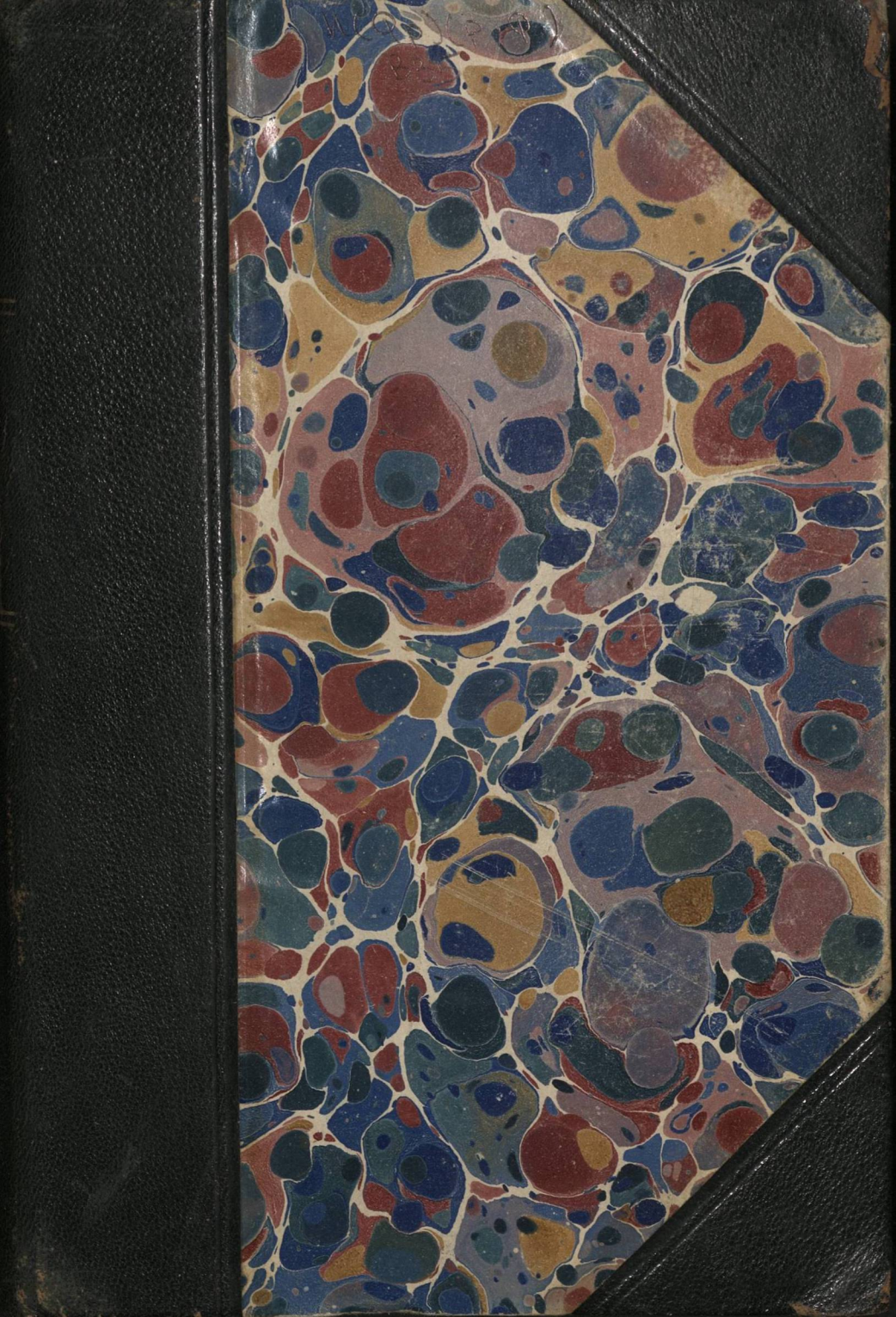

VI
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЖЮЛЯ ВЕРНА.

15-ЛѢТНІЙ КАПИТАНЪ.

[Un capitaine de quinze ans].

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Красл'у

A643505B

03.09.07

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание П. П. Сойкина.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная, 12, соб. дѣлѣ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 96, уг. Надежд.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВЫ.	СТР.
I. На палубѣ „Пилигрима“	3
II. Дикъ Зандъ и его исторія	11
III. Обломки судна	15
IV. Спасенные пассажиры „Вальдека“	24
V. Таинственныя буквы	29
VI. Появленіе кита и послѣдствія этого происшествія	42
VII. Приготовленіе къ охотѣ	55
VIII. Встрѣча съ кашалотомъ	63
IX. Капитанъ Зандъ	72
X. Первые дни командованія капитана Занда	81
XI. Ураганъ	96
XII. Земля въ виду	111
XIII. У берега	124
XIV. Что дѣлать?	147
XV. Мистеръ Гаррисъ	165
XVI. Въ дорогѣ	183
XVII. Сто миль въ десять сутокъ	198
XVIII. Загадки разъясняются	217

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Торговля неграми	234
II. Гаррисъ и Негоро	243
III. Въ дѣвственномъ лѣсу	255
IV. Пути сообщенія въ центральной Африкѣ	267
V. О муравьяхъ въ муравейникѣ	278
VI. Въ водолазномъ колоколѣ	290
VII. У торговцевъ невольниками	300
VIII. Изъ записной книжки Дика Занда	310
IX. Казанде	323
X. Базарный день	330
XI. Пуншъ, предложенный королю Казанде	336
XII. Похороны короля	343
XIII. Въ факторіи	352
XIV. Нѣсколько словъ о Гекторѣ Ливингстонѣ	359
XV. Куда можетъ завести мантикора	368
XVI. Мганига	376
XVII. По теченію	382
XVIII. Разныя приключенія	391
XIX. С. В.	399
XX. Заключение	406

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. На палубѣ „Пилигрима“.

Въ началѣ февраля 1873 года бригъ «Пилигримъ» находился подъ $43^{\circ} 57'$ южной широты и $165^{\circ} 19'$ восточной долготы по меридіану Гринвича.

Это китобойное судно, снаряженное въ С. Франциско, принадлежало мистеру Джемсу Вельдонъ, сдавшему его около десяти лѣтъ назадъ подъ команду капитана Гулля. Одно изъ самыхъ незначительныхъ по величинѣ, оно считалось едва ли не лучшимъ среди многочисленной флотилии, которую богатый калифорнійскій арматоръ посылалъ ежегодно черезъ Беринговъ проливъ до полярныхъ морей—въ одну сторону, и отъ мыса Горнъ до антарктическаго океана—въ другую.

«Пилигримъ» былъ прекрасный ходокъ, смѣло пускавшійся въ самыя отдаленныя и опасныя экспедиціи, съ сравнительно малочисленнымъ экипажемъ, и его командиръ умѣлъ, какъ никто, справляться съ тѣми плавучими ледяными горами, которыя спускаются лѣтомъ до Новой Зеландіи и мыса Доброй Надежды, постепенно уменьшаясь отъ теплыхъ водъ и взаимныхъ столкновеній, пока не исчезнутъ окончательно посреди Тихаго и Атлантическаго океановъ.

Превосходный морякъ и прекрасный гарпунщикъ, капитанъ Гуль съумѣлъ подобрать не менѣе опытный экипажъ для своего судна. Правда, находящихся на «Пилигримѣ» пять матросовъ нельзя было считать достаточной командой для китобоя, на которомъ люди нужны не только для управленія судномъ и для охоты, но и для очистки, приготовленія и укупорки добычи,—но, по примѣру многихъ американскихъ судовладѣльцевъ, мистеръ Джемсъ Вельдонъ находилъ болѣе выгоднымъ на-

бирать въ С. Франциско только самый необходимый комплект матросовъ, рассчитывая на то, что въ Новой Зеландіи всегда можно найти многочисленныхъ моряковъ всевозможныхъ національностей (сплошь и рядомъ дезертировъ съ военныхъ судовъ)—которые охотно предлагаютъ свои услуги китобойнымъ судамъ. По окончаніи охотничьяго сезона, съ ними рассчитываются по уговору, высаживаютъ на берегъ въ ближайшемъ портѣ и забываютъ объ ихъ существованіи до слѣдующаго года. Все это было извѣстно командиру «Пилигрима», рѣшившему пополнить свою команду подобными случайными рекрутами, среди которыхъ не мало превосходныхъ моряковъ и опытныхъ китолововъ...

Къ сожалѣнію, результаты экспедиціи оказались на этотъ разъ менѣе выгодными, чѣмъ можно было ожидать. Охота за китами вообще становится затруднительной. Слишкомъ ревностно преслѣдуемые, киты начинаютъ исчезать въ болѣе близкихъ широтахъ, гдѣ охотникамъ приходится довольствоваться кашалотами, поимка которыхъ далеко не безопасна, да и тѣхъ встрѣчалось «Пилигриму» такъ мало, что далеко не всѣ его бочки были полны ворвани, а запасъ китоваго уса не покрывалъ и половины заказовъ. Раздраженный неудачей, капитанъ Гуль предполагалъ спуститься до береговъ «Адели и Клары», открытыхъ знаменитымъ командиромъ «Астролябии» Дюмонъ-Дюрвиллемъ (что, къ слову сказать, не мѣшаетъ американцамъ приписывать честь этого открытія своему соотечественнику Вилькесу), гдѣ, по рассказамъ старыхъ охотниковъ, еще встрѣчались цѣлыя стада китовъ; но въ началѣ января, т. е. задолго до окончанія охотничьяго сезона, добавочный экипажъ «Пилигрима» — набранный довольно неосторожно изъ людей болѣе, чѣмъ подозрительной нравственности, — внезапно оказался «недоволенъ» своей службой. Надо было прежде всего избавиться отъ столь ненадежныхъ сотрудниковъ, такъ какъ дальнѣйшее плаваніе въ ихъ обществѣ становилось небезопаснымъ. Скрѣпя сердце, капитанъ Гуль переѣхнулъ курсъ и направился обратно къ Новой Зеландіи.

15-го января онъ подошелъ къ берегамъ Аукланда, и бросилъ якорь въ Вайтемата, въ глубинѣ залива Шураки, гдѣ и высадилъ команду рыбаковъ, нанятыхъ на весь сезонъ, но оказавшихся негодными и ненадежными.

Американская команда «Пилигрима» была крайне огорчена

неожиданнымъ окончаніемъ экспедиціи, да и самолюбіе командира было не на шутку задѣто. Вернуться съ неполнымъ грузомъ казалось ему обиднымъ, но попытка набрать новый дополнительный экипажъ окончилась полной неудачей, въ виду того, что всё сколько-нибудь добросовѣстные охотники были уже разобраны. Пришлось волей-неволей считаться съ необходимостью и объявить экспедицію оконченной. Проклиная въ душѣ команду, непослушаніе которой поставила его въ такое пеловкое положеніе, капитанъ Гуль рѣшился было уже окончательно покинуть Аукландъ, какъ вдругъ обстоятельства заставили его остаться еще на нѣсколько дней, доставивъ «Пиллигриму» новыхъ пассажировъ...

Мистрисъ Вельдонъ, жена собственника судна, ея пятилѣтній сынъ Джекъ и одинъ изъ родственниковъ случайно находились въ Аукландѣ, куда ихъ привезъ самъ Джемсъ Вельдонъ, обширная дѣла котораго не рѣдко призывали его на болѣе или менѣе продолжительное время, въ различные портовые города Новой Зеландіи и Австраліи. Все семейство богатаго коммерсанта рассчитывало уѣхать вмѣстѣ, но къ несчастію, маленькій Джекъ захворалъ, въ самый день отъѣзда, настолько опасно, что озабоченный отецъ, не имѣя возможности отложить свое путешествіе, отъ котораго зависѣли важные интересы, предпочелъ оставить жену и сына подъ охраной вышеупомянутаго родственника...

Три долгихъ, тоскливыхъ мѣсяца прожила мистрисъ Вельдонъ въ разлукѣ съ любимымъ мужемъ. За это время сынъ ея настолько оправился, что здоровье его уже не могло служить препятствіемъ къ отъѣзду изъ Аукланда. Оставалось только дожидаться случая для возвращенія въ Калифорнію, но случай этотъ могъ заставить ждать себя довольно долго.

Въ то время Новая Зеландія еще не имѣла правильнаго и постояннаго сообщенія съ С. Франциско, такъ что мистрисъ Вельдонъ должна была сначала переправиться въ Австралію, (въ Мельбурнъ), оттуда на пароходѣ компаніи «Золотой Вѣкъ» доѣхать до береговъ Панама, и тамъ уже дожидаться сѣвероамериканскаго пакетбота, совершающаго правильные рейсы во всѣ порты Калифорніи. Всѣ эти задержки и пересадки неаріятны для каждаго, а тѣмъ болѣе для молодой женщины, путешествующей съ ребенкомъ. Поэтому мистрисъ Вельдонъ искренно обрадовалась, узнавъ о случайномъ прибытіи «Пи-

лигрима» и немедленно обратилась къ его командиру съ просьбой принять на бортъ жену и сына собственника судна, такъ же какъ и сопровождающихъ ихъ Кузена Бенедикта и старуху Нунъ вѣрную няньку мальчика, всю жизнь прожившую въ домѣ Джемса Вельдона. Перспектива сдѣлать нѣсколько тысячъ морскихъ миль на небольшомъ парусномъ суднѣ, въ 400 тоннъ всего, ни мало не пугала мистрисъ Вельдонъ. Она знала капитана Гуллъ за опытнаго моряка, а «Пилигрима» за прочное и быстроходное судно, знала такъ же и то, что время года было самое благопріятное, обѣщающее попутный вѣтеръ и пріятную свѣжесть во время прохода тропическимъ поясомъ.

Капитанъ Гуллъ немедленно предложилъ свою каюту въ распоряженіе путешественниковъ, желая устроить жену своего арматора по возможности удобнѣй на тѣ 30 или 40 дней, которые ей придется провести на китобойномъ суднѣ, не приспособленномъ къ перевозкѣ пассажировъ, а тѣмъ болѣе — дамъ и дѣтей.

Единственнымъ неудобствомъ путешествія мистрисъ Вельдонъ являлась необходимость остановки въ Вальпарайзо (Чили), гдѣ «Пилигримъ» долженъ былъ сдать свой грузъ, чтобы затѣмъ продолжать путь вдоль береговъ Америки вплоть до С.-Франциско. Это обстоятельство нѣсколько замедляло пріѣздъ мистрисъ Вельдонъ домой, но она не боялась моря, къ которому успѣла привыкнуть, сопровождая своего мужа въ его многочисленныхъ, отдаленныхъ путешествіяхъ. Въ общемъ она не могла не смотрѣть на прибытіе «Пилигрима» какъ на болѣе, чѣмъ счастливую, случайность, и потому поспѣшила воспользоваться ею.

Что касается кузена Бенедикта, то онъ безпрекословно согласился на все, чего желала его молодая и энергичная родственница. Кузенъ Бенедиктъ — другого имени у него не было, такъ какъ всѣ, не исключая случайныхъ знакомыхъ, неминуемо причисляли этого добрѣйшаго человѣка къ числу своихъ родственниковъ — кузенъ Бенедиктъ вообще не умѣлъ спорить и не соглашаться съ кѣмъ бы то ни было. Ему и въ голову не приходила мысль о возможности имѣть собственную волю или поступить по собственной инициативѣ. Несмотря на свои 50 лѣтъ, сѣдѣющую косматую голову и внушительные золотые очки, «кузенъ Бенедиктъ» оставался настоящимъ ре-

бенкомъ. Пустить его путешествовать безъ надзора было бы своего рода преступленіемъ. Мистрисъ Вельдонъ смотрѣла на него какъ на своего второго сына, мало чѣмъ старше, и гораздо не практичнѣе ея пятилѣтняго Джека. Длинный, какъ вѣха, не умѣющій пользоваться своими большими, тощими руками, не умѣющій ходить на своихъ безконечныхъ ногахъ, кузенъ Бенедиктъ былъ настоящимъ типомъ тѣхъ беспомощныхъ ученыхъ, которые способны прожить до 100 лѣтъ, имѣя столько же представленія о реальной жизни, какъ любой грудной младенецъ. Его можно было бы отнести скорѣе къ растительному, чѣмъ животному царству. Представьте себѣ большое, тонкое дерево, ровно ни къ чему негодное, не дающее ни плодовъ, ни цвѣтовъ, ни даже листьевъ, но одаренное добрымъ сердцемъ, и не способное даже пожелать кому-нибудь что-либо дурное,—и вы будете имѣть понятіе о кузенѣ Бенедиктѣ. Онъ и радъ былъ бы приносить пользу, но это было не въ его способностяхъ. Каждая попытка кузена Бенедикта оказать услугу оканчивалась непременно какой-нибудь трагикомической катастрофой, такъ что въ концѣ концовъ, всѣ просили его объ одномъ: позволять другимъ заботиться о себѣ, и самому не заботиться ни о комъ и ни о чемъ. Тѣмъ не менѣе безобиднаго добряка всѣ любили за его беспомощность и наивное, дѣтски чистое сердце, полное одной страсти,—къ наукѣ.

Кузенъ Бенедиктъ былъ ученымъ естествоиспытателемъ, трудолюбіе и прилежаніе котораго давно вошли въ пословицу у всѣхъ знавшихъ его лично, или хотя бы только по слухамъ. Но жестоко ошиблись бы тѣ, кто счелъ бы его американскимъ Кювье, раздѣляющимъ животныхъ на группы—аналитически, или возсоздающихъ ихъ по какому-нибудь незначительному остатку—синтетически,—однимъ словомъ, глубокимъ знатокомъ одной изъ многочисленныхъ отраслей всеобъемлющаго естествознанія.

Кузену Бенедикту чужды были геологія такъ же, какъ и ботаника, минералогія такъ же, какъ астрономія.

Остается зоологія, раздѣляющаяся, какъ всѣмъ извѣстно, на 4 части, согласно 4 главнымъ подраздѣленіямъ животнаго царства (позвоночные, моллюски, членистые и лучистые).

Но кузенъ Бенедиктъ относился съ полнымъ презрѣніемъ къ изученію позвоночныхъ, будь то млекопитающія, птицы, рыбы или прѣмыкающіяся.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ЖЮЛЯ ВЕРНА.

ГЕКТОРЪ СЕРВАДАКЪ.

[Hector Servadac].

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная, 12, соб. домъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 98, уг. Надежда

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВЫ.

СТР

I. Обмѣнъ визитными карточками	3
II. Обрисовываются личности Гектора Сервадака и его ординарца Бенъ-Зуфа съ физической и нравственной стороны	8
III. Поэтическое вдохновеніе Гектора Сервадака было прервано потрясающимъ образомъ	12
IV. Читателямъ позволяется увеличивать до безконечности число восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ	16
V. Необъяснимыя измѣненія, происшедшія въ природѣ	17
VI. Читатель приглашается слѣдовать за Гекторомъ Сер- вадакомъ въ его новое владѣніе во время перваго научнаго его изслѣдованія	28
VII. Бенъ-Зуфъ полагаетъ, что долженъ быть недоволенъ невниманіемъ къ нему „генераль-губернатора“	36
VIII. Опасность, угрожающая со стороны Венеры и Меркурія	44
IX. Гекторъ Сервадакъ задаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, остающихся безъ отвѣта.	51
X. Съ помощью зрительной трубы и лота, для измѣренія глубины, пытаются найти кое-какіе слѣды Алжирской провинціи	58
XI. Капитанъ Сервадакъ находитъ небольшой островъ, ущѣлѣвший отъ катастрофы	65
XII. Лейтенантъ Прокофій, исполнивъ свой долгъ моряка, полагается на волю Божию.	72
XIII. Рѣчь идетъ о бригадирѣ Мурфи, о майорѣ Олифантѣ, о капралѣ Пимѣ и объ ядрѣ, исчезнувшемъ за гори- зонтомъ	79
XIV. Попытка завязать международныя сношенія, кончи- вшаяся неудачей вслѣдствіе географическихъ причинъ.	88
XV. Обсуждается вопросъ, какъ узнать истину	95
XVI. Капитанъ Сервадакъ держитъ въ своихъ рукахъ все, что осталось отъ обширнаго континента	104
XVII. Огъ того же тѣмъ же	111
XVIII. Пріемъ, сдѣланный генераль-губернатору острова Гурби, и событія, происшедшія во время его отсут- ствія	119
XIX. Капитанъ Сервадакъ единодушно признанъ генераль- губернаторомъ всѣми избирателями, въ томъ числѣ и имъ самимъ	128
XX. Доказывается, что при внимательномъ наблюденіи всегда можно замѣтить огонь на горизонтѣ	135

ГЛАВЫ.	СТР.
XXI. Природа доставила обитателямъ Галліи удивительный сюрпризъ въ видѣ прекрасной вечеринки	143
XXII. Интересный и забавный физическій опытъ	151
XXIII. Обсуждается очень значительное событіе, взволновавшее всю колонію Галліи	158
XXIV. Капитанъ Сервадакъ и лейтенантъ Прокофій постигаютъ, наконецъ, значеніе загадочнаго слова	165

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Появленіе тридцать шестого обитателя Галлійскаго сфероида	177
II. Читателю сообщается то, о чемъ онъ, по всей вѣроятности, уже самъ догадался	186
III. Нѣкоторыя свѣдѣнія о кометахъ солнечнаго міра	193
IV. Пальмирэнъ Розеттъ до такой степени очарованъ своей судьбой, что это наталкиваетъ на серьезныя размышленія	203
V. Пальмирэнъ Розеттъ довольно дурно обошелся со своимъ бывшимъ ученикомъ	212
VI. Пальмирэнъ Розеттъ приступаетъ къ опредѣленію массы Галліи	223
VII. Исаакъ Хаккабутъ находитъ превосходный случай дать взаймы деньги и получить, вмѣсто ста рублей, тысячу восемьсотъ	230
VIII. Профессоръ и его ученики оперируютъ съ секстиллионами и квинтиллионами	239
IX. Рѣчь идетъ объ Юпитерѣ—величайшемъ нарушителѣ кометныхъ движеній	247
X. Доказывается, что выгодноѣ торговать на землѣ, чѣмъ на Галліи	256
XI. Весь ученый міръ Галліи предается размышленіямъ	266
XII. Какъ было ознаменовано 1-ое января на Галліи, и какимъ образомъ закончился этотъ праздничный день	274
XIII. Капитанъ Сервадакъ и его товарищи прибѣгаютъ къ единственному доступному имъ средству	282
XIV. Доказывается, что люди созданы не для того, чтобы двигаться въ пространствѣ на разстояніи двухсотъ двадцати милліоновъ лье отъ солнца	291
XV. Повѣствуется о первыхъ и послѣднихъ сношеніяхъ между Пальмирэномъ Розеттомъ и Исаакомъ Хаккабутомъ	299
XVI. Капитанъ Сервадакъ и Бенъ-Зуфъ совершаютъ путешествіе и возвращаются снова	309
XVII. Обсужденіе важнаго вопроса о возвращеніи на землю и смѣлое предложеніе лейтенанта Прокофія	320
XVIII. Галлійцы готовятся разсматривать свой астероидъ съ небольшой высоты	329
XIX. Что пережили пассажиры, оставшіеся въ корзинѣ воздушнаго шара	339
XX. Вопреки всѣмъ правиламъ, романъ заканчивается не женитьбой героя	342

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Обмѣнъ визитными карточками.

- Нѣтъ, капитанъ, мнѣ неудобно уступить вамъ мѣсто!
- Очень жаль, графъ, но ваше мнѣніе мнѣ не указъ.
- Неужели?
- Конечно.
- Я долженъ вамъ замѣтить, что я безспорно первый на очереди.
- А я вамъ отвѣчу, что давность въ этомъ случаѣ не даетъ никакого права.
- Я сумѣю заставить васъ уступить, капитанъ!
- Не думаю, графъ.
- Такъ васъ заставить ударъ моей шпаги!
- Меня не устраситъ даже выстрѣлъ изъ пистолета.
- Вотъ моя карточка.
- А вотъ моя.
- На одной значилось:

*Гекторъ Сервадакъ,
офицеръ главнаго штаба.
Мостаганемъ.*

На другой:

*Графъ Василій Тимашевъ
Шкуна «Добрыня».*

Уходя, графъ Тимашевъ спросилъ:

- Гдѣ мои секунданты встрѣтятъ вашихъ?

— Сегодня въ главномъ штабѣ, въ 2 часа, если вамъ угодно,—отвѣтилъ Гекторъ Сервадакъ.

— Въ Мостаганемъ?

— Да.

Гекторъ Сервадакъ и графъ Тимашевъ почтительно раскланялись. Въ послѣдній моментъ прощанія, графъ Тимашевъ, окинувъ взоромъ капитана Сервадака, сказалъ:

— Капитанъ, думаю, что слѣдуетъ держать въ секретѣ истинную причину нашей дуэли?

— Безспорно.

— Ничье имя не должно быть упомянуто!

— Ни въ какомъ случаѣ!

— Теперь надо придумать предлогъ.

— Предлогомъ пусть будетъ нашъ споръ о музыкѣ.

— Отлично,—отвѣтилъ графъ Тимашевъ.—Я за Вагнера—его мысли болѣе сходны съ моими!

— Я за Россини,—замѣтилъ, улыбаясь, Гекторъ Сервадакъ.

Затѣмъ графъ Тимашевъ и офицеръ главнаго штаба разстались.

Описанная сцена произошла въ 12 часовъ пополудни на краю небольшого мыса алжирскаго побережья, находящагося между Тенезомъ и Мостаганемомъ, въ трехъ километрахъ отъ устья Шелифа. Мысъ этотъ возвышался надъ моремъ на 20 метровъ, и синія волны съ шумомъ ударялись о скалы, омывая песчаный берегъ, красноватый отъ содержащейся въ этой мѣстности окиси желѣза.

Это было 31-го декабря. Солнце, обыкновенно превращавшее своими косыми лучами морскія брызги въ ослѣпительныя блестки, въ данный моментъ было поддернуто темной завѣсой тучъ. Все больше и больше сгущался туманъ надъ моремъ и надъ землей. Этотъ туманъ, окутывавшій всю землю, стоялъ уже въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ и, хотя не останавливалъ сообщенія съ другими материками, но тѣмъ не менѣе значительно сіѣснялъ ихъ.

Графъ Тимашевъ, покинувъ офицера главнаго штаба, направился къ лодкѣ, вооруженной четырьмя ожидавшими его ребцами. Отчаливъ, они нагнали маленькую парусную увеселительную яхту, остановившуюся въ ожиданіи графа Тимашева въ нѣсколькихъ кабельтовахъ.

Что касается Гектора Сервадака, то, увидѣвъ своего ординарца въ двадцати шагахъ, онъ поманилъ его къ себѣ. Ординарецъ безпрекословно подошелъ, держа подъ уздцы прекрасную арабскую лошадь. Капитанъ легко вспрыгнулъ на сѣдло и направился въ Мостаганемъ въ сопровожденіи своего ординарца, который ѣхалъ рядомъ съ нимъ на такой же быстрой лошади. Было половина перваго, когда оба спутника перѣѣхали Шелифъ по мосту, недавно построенному мѣстнымъ инженеромъ. Пробило три четверти второго, когда ихъ лошади, въ мылѣ отъ быстрой ѣзды, бросились въ пятыя по счету ворота стѣнъ Маскара, окружающихъ городъ. Въ этомъ году въ Мостаганемѣ насчитывалось пятнадцать тысячъ жителей, въ которыхъ три тысячи — были французы. Мостаганемъ всегда былъ главнымъ мѣстомъ размѣщенія войскъ въ уѣздѣ Оранской провинціи. Здѣсь изготовлялись разныя печенія, дорогія ткани, плетенныя и сафьянныя издѣлія. Отсюда же вывозились во Францію хлѣбъ, хлопчатая бумага, шерсть, скотъ, винныя ягоды и виноградъ. Но въ данное время напрасно было бы искать слѣдовъ прежняго значенія гавани, къ которой теперь не могли приставать корабли изъ-за сильнаго восточнаго и сѣверо-западнаго вѣтра.

Капитанъ Сервадакъ, достигнувъ стѣнъ города, дошелъ до военного квартала Матморъ. Тамъ онъ вскорѣ встрѣтилъ командира 2-го стрѣлковаго полка и капитана 8-й батареи — двухъ товарищей, на которыхъ могъ смѣло рассчитывать.

Оба офицера отнеслись вполнѣ серьезно къ просьбѣ Гектора Сервадака быть его секундантами, но не могли не улыбнуться, когда Сервадакъ выставилъ, какъ истинную причину, разногласіе между нимъ и графомъ Тимашевымъ въ области музыки.

Командиръ 2-го стрѣлковаго полка и капитанъ 8-й батареи старались не подавать и виду, что они не вѣрятъ въ мысленному предлогу, вызвавшему эту дуэль. Во всякомъ случаѣ, имъ ничего другого не оставалось, какъ согласиться быть секундантами Гектора Сервадака, что они и сдѣлали.

— Можетъ быть, все это удастся еще уладить? — замѣтилъ командиръ стрѣлковаго полка.

— Нечего и пытаться, — отвѣтилъ Сервадакъ.

— Сдѣлайте уступку, — посовѣтовалъ капитанъ 8-й батареи.

— О нѣтъ, уступокъ быть не можетъ! Вагнеръ и Россини не могутъ примириться,—серьезно отвѣтилъ капитанъ.— Вагнеръ—одно, Россини—другое. Къ тому же, безумный Вагнеръ осмѣлился писать о немъ несообразныя вещи, и я хочу отомстить за оскорбленнаго Россини.

— Впрочемъ,—замѣтилъ тогда полковой командиръ,—ударъ шпаги не всегда смертеленъ!

— Особенно для того, кто желаетъ его избѣжать,—любилъ капитанъ Сервадакъ.

Командиръ 2-го стрѣлковаго полка и капитанъ 8-й батареи отправились въ главный штабъ, гдѣ они въ два часа должны были встрѣтиться съ секундантами графа Тимашева. Спустя два часа послѣ встрѣчи съ секундантами графа Тимашева, были выработаны условія дуэли.

Адъютантъ русскаго императора, графъ Тимашевъ, какъ большинство русскихъ за границей, предпочиталъ шпагу всякому другому оружію.

Два противника должны были сойтись завтра, перваго января, въ девять часовъ утра въ трехъ километрахъ отъ устья Шелифа.

— Такъ до завтра, до назначеннаго часа,—сказалъ командиръ 2-го стрѣлковаго полка.

— До самаго боевого изъ всѣхъ часовъ!—отвѣтилъ Гекторъ Сервадакъ.

Оба офицера крѣпко пожали руку Гектора Сервадака и отправились въ кафе Зульма сразиться въ пикетъ.

Капитанъ-же Сервадакъ, покинувъ тотчасъ-же городъ, пошелъ другой дорогой.

Въ теченіи двухъ недѣль, Гекторъ Сервадакъ не жилъ больше въ своей городской квартирѣ. Занимаясь топографическими съемками, онъ находился въ хижинѣ на берегу Мостаганема въ восьми километрахъ отъ Шелифа, въ обществѣ своего ординарца. Это было не особенно весело, и всякій другой на мѣстѣ офицера главнаго штаба, смотрѣлъ-бы на свой уединенный, непріятный постъ, какъ на наказаніе.

Войдя къ себѣ въ новое жилище, Гекторъ Сервадакъ сталъ подбирать рифмы, стараясь пріискать имъ благозвучныя рифмы для рондо, какъ онъ называлъ занимавшій его тогдародъ пѣсни.

Это рондо—скрывать незачѣмъ,—посвящалось молодой вдовѣ, на которой онъ собирался жениться; этимъ онъ старался до-

казать, что когда полюбишь женщину, достойную уваженія, то надо любить ее такъ, какъ велитъ природа.

Вѣренъ-ли этотъ афоризмъ, или нѣтъ, объ этомъ капитанъ Сервадакъ не думалъ вовсе, потому что цѣль его «произведенія» была только въ болѣе удачномъ подборѣ рифмъ.

— Да, да!—шепталъ онъ въ то время, когда его ординарецъ шелъ рядомъ съ нимъ.—Мое прочувственное рондо всегда произведетъ впечатлѣніе! Поэзія такъ рѣдка на алжирскомъ побережьи, и моя пѣснь, надѣюсь, будетъ принята благосклонно.

И поэтъ-капитанъ началъ такъ:

Дѣйствительно! когда любишь,
То любишь просто...

— Да, просто, такъ сказать, честно, съ намѣреніемъ жениться. А, чортъ! не выходитъ рифма. Ну, Бенъ-Зуфъ!

— Что прикажете, капитанъ?

— Сочинялъ-ли ты когда-нибудь стихи?

— Нѣтъ, но я видѣлъ, какъ сочиняли.

— А кто-же?

— Да разъ какой-то паяцъ въ балаганѣ на праздникѣ въ Монмартрѣ.

— А ты запомнилъ стихи этого шута?

— А какъ-же, капитанъ?!

Войдите сюда, здѣсь высшее счастье!
И вы будете очарованы!
Вы увидите здѣсь ту, которая васъ, любить
И которую любите вы!"

— Чортъ возьми, вотъ ужасные стихи!

— Это только потому, что я не подобралъ эту пѣсенку на дудочкѣ, а то она нисколько не хуже другихъ.

— Молчи, Бенъ-Зуфъ!—воскликнулъ Гекторъ Сервадакъ.— Молчи! наконецъ-то я нашелъ третью и четвертую рифму!

Дѣйствительно! когда любишь,
То любишь просто.
Довѣрься любви
Больше, чѣмъ клятвѣ!"

Всѣ усилія капитана Сервадака сочинять стихи, оказались безуспѣшными, и, когда онъ снова вернулся въ хижину въ 6 ч. вечера, у него была подобрана только незначительная часть рондо.

II.

Сбрисовываются личности Гектора Сервадака и его ординарца Венъ-Зуфа съ физической и нравственной стороны.

Въ прошломъ году, приблизительно въ тѣ-же самыя числа, можно было прочесть въ послужномъ спискѣ одного изъ членовъ военного управленія:

«Сервадакъ (Гекторъ), родившійся 19-го іюля въ С.-Тредоди, въ кантонѣ Леспаръ, департамента Жиронды.

Состояніе: 1200 франковъ ежегоднаго дохода.

Срокъ службы: 14 лѣтъ, 3 мѣсяца и 5 дней.

Служба и походы: школа С.-Сиръ: 2 года. Практическая школа: 2 года. Въ 87-мъ линейномъ батальонѣ: 2 года. Въ 3-мъ стрѣлковомъ полку: 2 года. Въ Алжирѣ: 7 лѣтъ. Походы: въ Суданъ и Японію. Служебное положеніе: капитанъ главнаго штаба Мостаганема. Отличія: кавалеръ ордена почетнаго легіона 13- марта 18...»

Гектору Сервадаку было 30 лѣтъ. Одинокій, безъ семьи, почти безъ состоянія, болѣе честолюбивый, чѣмъ корыстный, пылкій, обладающій природнымъ умомъ, всегда готовый къ наступленію и отбою, великодушный, смѣлый,—онъ казалось, самъ Богомъ былъ хранимъ въ битвахъ, въ которыя онъ бросался съ отчаянной храбростью.

Такой блестящій успѣхъ не испортилъ Гектора Сервадака, и онъ остался такимъ-же скромнымъ. Вскормленный храброй женщиной, владѣтельницей лучшихъ виноградниковъ въ Медокѣ, онъ былъ истиннымъ потомкомъ героевъ, имена которыхъ прогремѣли въ эпоху большихъ войнъ. Онъ былъ избранникомъ судьбы, предназначеннымъ для исключительныхъ подвиговъ, при самомъ крещеніи благословленнымъ феей счастья и удачи. Такова была нравственная сторона Гектора Сервадака.

Физически Гекторъ Сервадакъ былъ очень красивъ: ростомъ—5 футовъ 6 дюймовъ; стройный съ черными отъ природы вьющими волосами, съ красивой поступью, красивыми руками, съ открытымъ, честнымъ взглядомъ голубыхъ глазъ и при томъ веселаго нрава, еще не смраченного сомнѣніями. Созданный для того, чтобы нравиться, капитанъ Сервадакъ не могъ похвалиться особенно выдающимися способностями да

это для него не требовалось, въ чемъ онъ и самъ охотно сознавался.

— Мы-то не болтаемся,—говорили артиллерійскіе офицеры, намекая при этомъ, что они никогда не уклоняются отъ службы. Но Гекторъ Сервадакъ болтался охотно, такъ какъ по натурѣ онъ былъ лѣнтяемъ и... очень плохимъ поэтомъ. Такъ какъ ему давалась легко наука, онъ успѣшно окончилъ школу и поступилъ въ главный штабъ. Къ тому-же онъ хорошо рисовалъ, прекрасно ѣздилъ на лошади былъ непобѣдимымъ на скачкахъ съ препятствіями въ манежѣ Сенъ Сиръ, и послѣдователемъ знаменитаго «Дяди Тома», въ которомъ онъ видѣлъ своего учителя.

Въ его послужномъ спискѣ много было замѣчаній, вполне имъ заслуженныхъ.

Приводимъ одинъ изъ его поступковъ, очень важный для его характеристики. Какъ-то онъ выступилъ въ походъ съ отрядомъ стрѣлковъ. Проходили мимо опредѣленнаго мѣста съ довольно высокой насыпью, чтобы въ случаѣ опасности можно было укрыться отъ выстрѣловъ. Насыпь эта оказалась недостаточно высокой; въ одномъ мѣстѣ былъ уже проломъ, гдѣ пришлось идти подъ градомъ картечи, со свистомъ пролетавшей надъ головами солдатъ. Солдаты колебались. Гекторъ Сервадакъ смѣло вошелъ въ проломъ, загородилъ его своимъ тѣломъ и сказалъ:

— Ну-же, проходите!

Отрядъ стрѣлковъ прошелъ подъ дѣлымъ потокомъ сыпавшихся пуль, изъ которыхъ ни одна не коснулась храбраго офицера.

По окончаніи практической школы, сдѣлавъ два похода въ Суданъ и Японію, Гекторъ Сервадакъ былъ навсегда зачисленъ въ алжирскія войска. Въ данное время его служебныя обязанности сосредоточивались на размѣщеніи войскъ въ Мостаганемѣ. Главнымъ образомъ онъ занимался топографическими съемками мѣстностей, находящихся между Тенезомъ и устьемъ Шелифа и для этого ему пришлось жить въ хижинѣ, которая не могла доставить ему самыхъ необходимыхъ удобствъ, но это его ничуть не беспокоило.

Онъ любилъ быть на открытомъ воздухѣ, пользоваться широкой свободой, насколько она доступна офицеру. То шагая по насыпямъ, то мчась на лошади по отвѣснымъ скаламъ, онъ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
ЖЮЛЯ ВЕРНА.

500 МИЛЛІОНОВЪ БЕГУМЫ.

[Les 500 millions de la Begum].

Романъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная, 12, соб. домъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 98, уг. Надежда.

І. Первое появленіе г. Шарпа.

— Дѣйствительно, прекрасно издаются англійскія газеты! — воскликнулъ докторъ Саразень, откидываясь на спинку своего божаного кресла. Онъ имѣлъ обыкновеніе говорить монологи, что служило ему нѣкоторымъ развлеченіемъ.

Докторъ былъ человѣкъ лѣтъ 50, съ ясными и живыми глазами, сверкавшими изъ-за стальныхъ очковъ; лицо его внушало почтеніе, несмотря на необычайную привлекательность и веселое добродушіе его выраженія. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ говорятъ при первомъ взглядѣ: какой славный человѣкъ! Несмотря на ранній часъ, докторъ былъ уже выбритъ, а на шеѣ его красовался бѣлый галстукъ, при скромномъ костюмѣ, въ которомъ не было ничего вычурно-изысканнаго.

Онъ сидѣлъ въ номерѣ, занимаемомъ имъ въ одной изъ гостинницъ Брайтона; вокругъ него на полу, на мебели, даже на кровати, были разбросаны всевозможные англійскіе газеты и журналы. Только что пробило 10 часовъ утра, но докторъ уже успѣлъ обойти весь городъ, побывать въ госпиталѣ и, возвратившись къ себѣ въ номеръ, прочесть въ распространеннѣйшихъ газетахъ Лондона краткій отчетъ о докладѣ, сдѣланномъ имъ третьяго дня международному гигиеническому конгрессу о своемъ научномъ изобрѣтеніи: «счетчикъ кровяныхъ шариковъ».

Передъ докторомъ, на подносѣ, покрытомъ бѣлой салфеткой, стояла чашка горячаго чая, свѣже-изжаренная котлетка и тѣ прекрасные греночки, на сливочномъ маслѣ, которыя умѣютъ готовить въ совершенствѣ только англійскіе булочники и англійскія кухарки.

— Да, — снова повторилъ докторъ Саразень, газеты Великобританскаго Королевства ведутся превосходно, никто не до

жетъ этого отрицать. Спичъ вице-президента, отвѣтъ доктора Чиконья, изъ Неаполя, изложеніе моего доклада, — все схвачено на лету и какъ бы сфотографировано.

И докторъ принялся вновь просматривать уже прочитанную статью.

«Вотъ оно: слово за докторомъ Саразеномъ, изъ Дуэ. Этотъ почтенный членъ Конгресса говоритъ только по-французски. Въ видѣ предисловія онъ произнесъ слѣдующія слова: наши уважаемые слушатели извиняютъ меня за то, что я позволю себѣ эту вольность, но я увѣренъ, что имъ легче будетъ понять мой родной языкъ, чѣмъ мнѣ выучиться по-англійски. Далѣе слѣдуетъ пять столбцовъ мелкаго шрифта, передающаго въ точности мою рѣчь и передающаго ее прекрасно. Я даже не могу рѣшить, который отчетъ лучше — «Таймса» или «Телеграфа». Оба одинаково точны и ясны».

Докторъ дошелъ до этого пункта своихъ размышлений, когда въ дверь его постучали, и на порогѣ появился старшій корридорный или, вѣрнѣе, церемоніймейстеръ (нельзя было дать иного названія особѣ, столь корректно одѣтой во все черное) и спросилъ, можно-ли видѣть monsieur Саразена. Англичане считаютъ верхомъ вѣжливости называть каждаго француза monsieur, такъ же какъ итальянца signor или нѣмца gnädiger herr. Быть можетъ, они и правы, такъ какъ ихъ привычка имѣть одно несомнѣнное преимущество: сразу указывать національность каждаго человѣка.

Докторъ Саразенъ взялъ поданную ему визитную карточку. Онъ былъ очень удивленъ тѣмъ, что его могъ кто-нибудь спрашивать въ странѣ, гдѣ онъ никого не зналъ, но удивленіе его еще усилилось, когда онъ прочелъ на карточкѣ слѣдующее:

Г-нъ Шарпъ — solicitor.

93 ул. Соутгемптонъ.

Онъ зналъ, что solicitor — то же, что французскій «повѣренный по дѣламъ» добраго стараго времени, т. е. нѣчто среднее между нотаріусомъ, адвокатомъ и стряпчимъ — юридическое лицо, въ кабинетѣ котораго сосредоточиваются самые разнообразные дѣловые интересы.

— Какого чорта надо отъ меня этому господину Шарпу? — спросилъ себя докторъ Саразенъ. — Неужели я, самъ того не подозрѣвая, впутался въ какое-нибудь грязное дѣло?

— Увѣрены ли вы, что эта визитная карточка принесена

именно мнѣ?—проговорилъ онъ вслухъ, обращаясь къ пода-
телю ея, спокойно ожидавшему отвѣта, въ позѣ, полной вели-
чественной простоты и собственного достоинства.

— Oyes, monsieur! Спрашивали именно васъ.

— Въ такомъ случаѣ, просите.

Черезъ пять минутъ «церемоніймейстеръ» ввелъ въ ком-
нату доктора человѣка еще молодого, при первомъ взглядѣ на
котораго ученый наблюдатель причислилъ его къ классу «мерт-
выхъ головъ». Дѣйствительно, тонкія высохшія губы, длинныя
бѣлые зубы, маленькіе сѣрые глазки, съ острымъ взглядомъ,
впалыя щеки, обтянутыя кожей, похожей на пергаментъ и
болѣе всего землистый цвѣтъ лица, придавали вошедшему не-
обычайное сходство съ египетской муміей. Все его туловище,
отъ головы до самыхъ пятокъ, исчезало подъ дорожнымъ
пальто «ulster coat», изъ сѣраго сукна съ огромными клѣт-
ками. Въ рукѣ онъ держалъ дорожный мѣшокъ изъ лакиро-
ванной кожи и лоснящійся цилиндръ.

Войдя въ комнату, этотъ субъектъ быстро поклонился док-
тору, поставилъ на полъ свой мѣшокъ и шляпу, усѣлся, не
дожидаясь приглашенія, и спокойно проговорилъ:

— Честь имѣю представиться: Вильямъ-Генрихъ Шарпъ
младшій, компаньонъ фирмы «Билонъ, Гренъ, Шарпъ и К^о».
Надѣюсь, что имѣю честь говорить съ докторомъ Саразенсомъ?

— Точно такъ, милостивый государь.

— Ваше имя: Франсуа Саразенъ, не такъ ли?

— Да, это мое имя!

— Вы пріѣхали изъ Дуэ?

— Я постоянно живу въ Дуэ.

— Вашего батюшку звали Изидоръ Саразенъ?

— Совершенно вѣрно!

Мистеръ Шарпъ вынулъ изъ кармана памятную книжку.
заглянулъ въ нее и продолжалъ:

— Изидоръ Саразенъ умеръ въ Парижѣ, въ 1857 году,
6 октября, въ домѣ, находящемся на ул. Таранъ № 54, въ
гостиницѣ «des Ecoles», нынѣ не существующей.

— Все это такъ,—сказалъ докторъ, все болѣе удивляясь,
но не объясните ли вы мнѣ...

Но мистеръ Шарпъ продолжалъ, не обращая на него
вниманія:

— Имя его матери было: Юлія Ланжеваль. Она была уро-

женка городка Баръ-де-Дюкъ; отецъ ея, Бенедиктъ Ланжеваль, жилъ въ глухомъ городишкѣ Лоріюль и умеръ въ 1812 году, какъ то сказано въ муниципальных спискахъ вышеупомянутаго городка. Эти списки учрежденіе драгоцѣнное, милостивый государь, именно драгоцѣнное. Гм... гм... братъ вашей матушки былъ... Жанъ-Жакъ Ланжеваль, тамбуръ-мажоръ въ 36-мъ кавалерійскомъ полку.

— Я вамъ признаюсь, — сказалъ докторъ Саразень, изумленный этимъ глубокимъ знаніемъ его генеалогіи, — что вы знаете лучше меня всѣ эти подробности. Правда, я слышалъ, что фамилія моей бабушки была Ланжеваль, но это все, что я о ней знаю.

Мистеръ Шарпъ самодовольно улыбнулся, продолжая докторальнымъ тономъ:

— Въ 1807 году она покинула городъ Баръ-де-Дюкъ вмѣстѣ съ вашимъ дѣдушкой Жаномъ Саразеномъ, за котораго она вышла замужъ въ 1799 г. Они переселились въ городъ Melun и открыли тамъ мастерскую жестяной посуды. Въ этомъ городѣ они пробыли вплоть до 1811 г., до самой смерти Юли Ланжеваль, жены Жана Саразена. Плодомъ ихъ брака былъ единственный сынъ, вашъ отецъ, Изидоръ Саразень. Съ этого момента генеалогическая нить прерывается до смерти этого послѣдняго, въ Парижѣ, когда мы снова находимъ конецъ ея.

— Я могу связать оба конца, — сказалъ докторъ, противъ воли увлеченный чисто математической точностью свѣдѣній своего гостя. — Мой дѣдушка поселился въ Парижѣ, чтобы воспитывать своего сына, выбравшаго себѣ карьеру врача. Онъ умеръ въ 1832 г., въ городкѣ Палезо, близъ Версаля, гдѣ практиковалъ мой отецъ, и гдѣ родился я самъ, въ 1822 г.

— Значить, вы именно тотъ, котораго мнѣ надо, — сказалъ г-нъ Шарпъ. Скажите, у васъ нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ?

— Нѣтъ, я былъ единственнымъ ребенкомъ, и моя мать умерла, когда мнѣ было всего два года. Но, милостивый государь, скажете ли вы мнѣ, наконецъ, цѣль этого разговора?

Мистеръ Шарпъ торжественно поднялся со своего кресла.

— Сиръ Бріа Ювагиръ баронетъ Мотороната, — сказалъ онъ, произнося это имя съ тѣмъ уваженіемъ, какое чувствуютъ англичане ко всякому титулу, — я счастливъ, что отыскалъ васъ и что я первый могу выразить вамъ мое почтеніе!

«Этотъ человѣкъ не въ своемъ умѣ» — подумалъ докторъ Саразентъ. Рѣдкое явленіе среди людей типа мертвой головы!»

Проницательный дѣлецъ прочелъ этотъ діагнозъ въ глазахъ своего собесѣдника.

— Я совсѣмъ не сумасшедшій, — спокойно отвѣтилъ онъ. Я только позволяю себѣ сообщить вамъ, что вы въ настоящее время единственный извѣстный наслѣдникъ титула баронета, пожалованнаго, по представленію генераль-губернатора Бенгальской провинціи, Жанъ-Жаку Ланжеваль, принятому, въ 1819 году, въ число англійскихъ подданныхъ. Вашъ прадѣдъ пользовался, послѣ смерти своей жены, Бегумы Гоккооль, доходами съ ея состоянія и умеръ въ 1841 году, оставивъ послѣ себя только одного сына, идіота, угасшаго въ 1869 году, не оставивъ ни потомства, ни завѣщанія, какъ законно лишенный юридическихъ правъ. Наслѣдство вашего прадѣда достигало въ то время почтенной цифры — 20.000,000 фунтовъ стерлинговъ. Все это состояніе находилось подъ секвестромъ и опекой еще при жизни слабоумнаго сына Жанъ-Жака Ланжеваля и было почти полностью обращено въ деньги. Въ 1870 году оно было оцѣнено въ 21 милліонъ фунтовъ стерлинговъ, или 525 милліоновъ франковъ. По постановленію Королевскаго Британскаго суда, въ Аграхъ, (утвержденному палатой въ Дели), движимое и недвижимое имущество было продано, драгоцѣнности обращены въ деньги, и общая сумма отъ проданнаго имущества была помѣщена на храненіе въ Англійскій Банкъ. Этотъ-то капиталъ и возросъ въ настоящее время до 527 милліоновъ франковъ, которые вы можете получить изъ кассы банка по простому чеку, послѣ того какъ представите въ государственную герольдію генеалогическія доказательства своего происхожденія. Для этого я предлагаю вамъ свою юридическую помощь и рекомендацію въ банкирской конторѣ «Троллопъ, Смитъ и Ко», которые ссудятъ васъ, въ счетъ вашего наслѣдства, какою угодно суммою.

Докторъ Саразентъ былъ буквально ошеломленъ всѣмъ слышаннымъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ онъ не могъ произнести ни одного слова, но вскорѣ, его умъ, привыкшій во всему относиться критически, вывелъ его изъ этого оцѣнѣнія. Не будучи въ состояніи принять за дѣйствительность этотъ сонъ изъ «Тысячи и одной ночи», онъ проговорилъ недовѣрчиво: